

Юна Вертман

Странички о Толе

Анатолий Якобсон

Иерусалим

2003

Посвящается 25-ой годовщине со дня гибели Анатолия Якобсона в Иерусалиме 28 сентября 1978 года и 20-ой годовщине со дня смерти Юны Вертман в Москве 12 августа 1983 года

"Странички о Толе" впервые напечатаны в сборнике: Анатолий Якобсон. ПОЧВА И СУДЬБА. Вильнюс-Москва. Издательство "Весть", 1992. Сборник издан ограниченным тиражом и остается труднодоступным. (Далее в примечаниях используется сокращенная ссылка на упомянутое издание: Сб. ПОЧВА И СУДЬБА.)

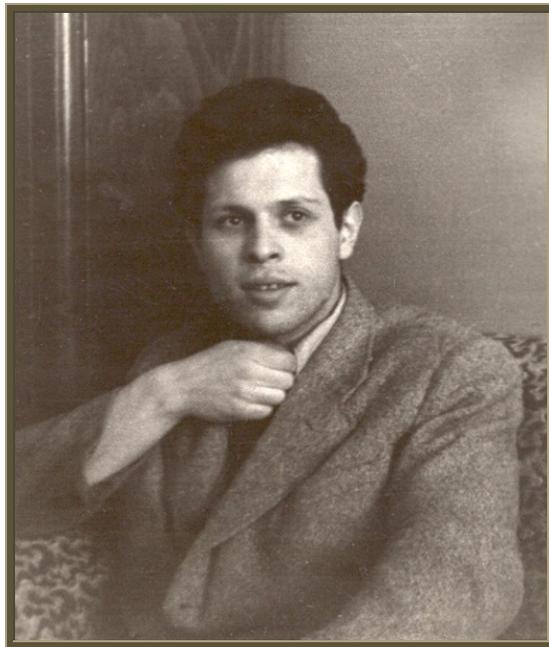
Второе, неудачное напечатание без посвящения годовщине со дня гибели Анатолия Якобсона: Журнал "22". №129 за 2003 год

Предлагаемый вариант "Страничек..." свободен от замеченных ошибок, дополнен фотографиями и подробными примечаниями.

Подготовка текста, подбор фотографий и составление примечаний: Василий Емельянов, Иерусалим (e-mail: vasily@antho.net)

Юна (Юнона Давидовна) Вертман (6/VI-1931 – 12/VIII-1983) – театральный режиссер и педагог, театровед, кандидат искусствоведения. В 1953 году окончила Московский Педагогический Институт им. Ленина. Преподавала русскую литературу в средней школе. В 1964 году окончила режиссерский факультет Театрального Училища им. Б.В.Щукина. В аспирантуре Щукинского Училища изучала творческое наследие и педагогическую систему выдающегося русского актера и театрального педагога Михаила Чехова, преподавала мастерство актера на кафедре актерского мастерства. В 1976 году защитила кандидатскую диссертацию "Театрально-педагогическая деятельность Михаила Чехова" в Институте Истории Искусств, г. Москва. Преподавала мастерство актера в Государственном Училище Циркового и Эстрадного Искусства в Москве. Инсценировала произведения Н.В. Гоголя, Н.Е. Салтыкова-Щедрина, А.И. Герцена. Печаталась в журнале "Театр" и других изданиях. Ставила спектакли в театрах Кишинева, Томска, Свердловска, Казани, Саратова, Новгорода, Чебоксар, Калинина, Астрахани, Иркутска. Спектакль "Записки сумасшедшего" по Н.В.Гоголю с Александром Калягиным в роли Поприщина, поставленный Юной Вертман в 1968 году в московском театра им.Ермоловой, стал заметным событием в театральном мире.

Анатолий Александрович Якобсон (30/IV-1935 - 28/IX-1978) – преподаватель русской литературы в школе, эссеист, критик, поэт, переводчик, теоретик перевода, лектор. Сам он определял свои эссе как опыт создания «литературы о литературе». Результатом явился сборник статей: "Конец трагедии" (о Блоке), "О романтической идеологии" (поэзия 20-х годов) и "Царственное слово" (Анна Ахматова) – Нью-Йорк, Издательство им.Чехова, 1973. За книгу "Конец трагедии" Анатолий Якобсон был принят в Европейскую секцию международного ПЕН-клуба.

А.А. Якобсон – не только писатель, но и общественный деятель, один из зачинателей и участников движения за права человека в СССР. ... был одним из составителей и редакторов подпольной самиздатской "Хроники текущих событий",¹⁾ с мая 1969-го по октябрь 1972-го член "Инициативной группы". Его именем подписаны многие правозащитные документы, в том числе и протест против суда над Синявским и Даниэлем. ... Осенью 1973 года Якобсон вынужден был эмигрировать в Израиль. ... Осенью 1978 года покончил собой... Похоронен в Иерусалиме, на Масличной Горе, неподалеку от своей матери.

(Использована биографическая справка об Анатолии Якобсоне, составленная Л.К. Чуковской.²⁾)

¹⁾ По свидетельству А.Якобсона: «...с весны или с лета 1969 года по осень 1972 года, с 11-го по 27-й, кроме одного, 15-го, когда меня не было в Москве, - то есть 16 номеров "Хроники", это была моя работа» см. Автобиографические заметки, сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.253

²⁾ Лидия Корнеевна Чуковская (1907-1996), - писатель, редактор, друг Толи Якобсона. (См. фото на с.24) См. подробную биографическую справку об Анатолии Якобсоне в книге: Л.К. Чуковская. "Записки об Анне Ахматовой". Том II. Москва. Согласие, 1997. с.779-781. Там же впервые опубликовано стихотворение А. Якобсона "Рука всевластная судьбы...", посвященное и подаренное им Анне Андреевне Ахматовой в 1962 году. Л.К. Чуковская посвятила Толе свое стихотворение "Памяти Анатолия Якобсона", напечатанное в сборнике "Стихотворения". Москва, Горизонт, 1992. с.105. См. также сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.295

...Нужно написать о Толе, а не о себе и своих потрясениях. Но как разделить?

Познакомились мы 28-29 августа 1960 года.³⁾ Я тогда полна была радостью прикосновения к желанной профессии - училась на режиссерском факультете.⁴⁾ Все остальное представлялось вторичным, временным, каких бы душевных вкладов ни требовало. Но живая работа с детьми все-таки невольно затягивала; а работала я тогда учительницей, преподавала литературу в старших классах. В школу 689, где уже год работал Толя, я перешла из другой - вместе с директором. От 1-ой Беговой улицы сравнительно удобно было добираться до Щукинского училища - это меня и прельстило. (Нет теперь той школы - расформировали; нет и тогдашнего директора - Зои Сергеевны Дмитриевой. Она покончила с собой в 1971 году. Тоже, говорили, депрессия).

З. С. Дмитриева

Шел педсовет. Зоя Сергеевна меня, "новенькую", представила, я встала и, что называется, остолбенела, обожженная горячим, буйным и в то же время обнаженно-добрым взглядом какого-то, как мне показалось, мальчишки.

Ему было тогда 25, а выглядел на 19; преподавал историю в тех же классах, в каких мне предстояло вести литературу, и в одном из них, 9-ом "Г", значился классным руководителем.

После педсовета мы стремительно и бурно разговорились; его обжигающая контактность затягивала, завораживала. (Сколько он так согрел, и до какой же степени никто из многочисленных любящих не в силах был достойно ответить, согреть и успокоить его, так обостренно нуждавшегося в понимании и успокоении.)

А через несколько дней он пришел ко мне на урок. Я лопотала какие-то банальности про декабристов, самоуверенно игнорируя поместившегося на задней парте беспокойного мальчишку - классного руководителя Анатолия Александровича Яковсона. Стыд от этого воспоминания не прошел до сих пор. Хотя, с другой стороны, если бы я знала, при ком я дилетанствую вокруг одной из самых пронзительных тем русской истории, у меня бы, очевидно, язык прилип к гортани. После урока «беспокойный мальчишка» отвалил мне темпераментный комплимент, которого я не заслуживала - урок был вполне заурядным; незаурядной была Толина щедрая доброжелательность - и пошел провожать. Так, «на производственной почве», началась наша дружба.

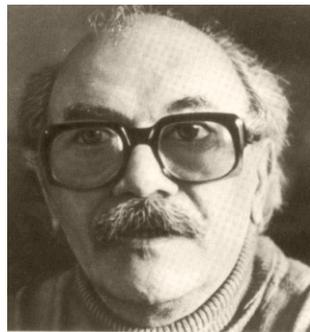
В самом начале 60-х годов по Москве ходила наивная анкета, наподобие той, какую дочери Маркса придумали для своего отца. Некоторые Толины ответы я помню. «*Ваше представление о несчастье?*» - Ответ: «*Распоряжаться людьми*». «*Ваша любимая песня?*» - Ответ: «*Это было на бану, под Ростовом-на-Дону*». Шутовской ответ объясняется тем, что у него было поразительное, комическое отсутствие музыкального слуха, тем более непостижимое при его абсолютном слухе на стихотворный ритм. «*Ваше любимое занятие?*» - Ответ: «*Трепаться с друзьями*». Как он это делал! Никто из легиона его партнеров по этому святому

³⁾ Запись в режиссерском дневнике Юны Вертман от 13/XI-60: «...8/XI у меня дома были <...> Толя Яковсон с Майей». Майя: Майя Александровна Улановская, - первая жена А. Яковсона, мать его сына Саши. (См. фото на с.19)

⁴⁾ В 1959-1964 годах Юна Вертман училась на режиссерском факультете Театрального Училища им. Б.В. Щукина при Государственном театре им. Евг. Вахтангова

занятию, я уверена, никогда не забудет Тошкиных вдохновенных монологов: доверчивых, умных, горячих.

На вопрос: «*Ваш любимый режиссер?*» он ответил: «*Вертман*». Меня тогда это очень веселило: театра он никогда не знал и, в общем, не любил, мои спектакли стал смотреть много позднее, а ответ этот означал, что я принадлежу к числу тех многочисленных счастливых, с которыми он любит «трепаться».

Давид Самойлов⁶⁾

С чего бы ни начинался так памятный многим, презревший всякое представление о быстротекущем времени треп, неизбежно выгребали на стихи. В одном из Толиных писем ко мне есть такое признание: «*Я, знаешь ли, очень все-таки люблю стихи. Иногда кажусь себе каким-то противоестественным существом, у которого атрофированы все органы чувств, кроме одного, за счет прочих непрерывно развиваемого*».⁵⁾

Когда речь шла о поэзии, он не допускал легкого безответственного тона собеседника, небрежности и тем более невежества. Дело доходило до курьезов. Когда мы в школе проводили вечера поэзии, он неистовствовал, если исполнителям аплодировали.

Отчетливо помню и такой комический эпизод: летом 1962 года мы вместе поехали в Ленинград. Как-то так случилось, что Толе удалось выбраться туда впервые, я же бывала там не раз, город знала пристойно, к тому же еще свежа была в памяти разнообразная академическая премудрость - у нас на режиссерском историю искусств преподавали серьезно - следовательно, роль гида не доставляла мне никаких отрицательных эмоций, тем более, что слушатель попался удивительно доверчивый. Живопись он не очень-то знал, все было ему впрок и в радость. Бродили мы по городу, по Эрмитажу, по пригородам и везде, где полагается, до одурения, все было прекрасно, как вдруг он услышал про автобусную экскурсию. И так ему захотелось! «*Поедем*», - говорит, - «*пожалуйста, наверное, ты мне чего-нибудь не показала*». Купили билеты, сели в автобус, и Тошка мгновенно уснул, потому что накануне ночью ходил смотреть, как разводят мосты. Спал себе мирно и сладко, как вдруг дамочка-экскурсовод произнесла: «*Невы державное течение и береговой ее гранит*». Услышав это «*и береговой*», Тошка подскочил, как ужаленный, а потом приказал сквозь зубы: «*Притворись, что тебе плохо*». Мне было совсем не плохо, а даже очень смешно, но я притворилась, автобус остановился, мы выскочили и пустились наутек.

⁵⁾ Из письма Юне Вертман от 24/I-65; Из другого письма того же года: «*...Ничего сейчас не дает мне такой радости, ничто не наполняет смыслом существования моего в такой мере, как стихи Давида [Самойлова]*», см. прим.⁶⁾

⁶⁾ Давид Самойлов (1920-1990), - известный русский поэт. В 1959-1964 годах вместе с М.С. Петровых и В.К. Звягинцевой руководил семинаром переводчиков при Союзе Писателей СССР, который посещал Анатолий Якобсон; впоследствии - друг Толи Якобсона. Надпись на книге стихов, подаренной Самойловым Якобсону: «*Дорогому Толе с любовью. Мою науку помни, но пиши по разумению. Д. Самойлов, 4.12.70*».

Д. Самойлов посвятил Якобсону "Песню о походе" (1971) из цикла "Балканские песни", стихотворение "И тогда узнаешь вдруг..." (1973), а на смерть Толи написал стихотворение "Прощание" (1978):

... Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной - покой
И мир навеки!...

См. День поэзии, Москва, 1989, с.90 и сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.292

Его взаимоотношения со стихией поэзии были насыщены буйной силой: истовой, коленопреклоненной признательностью, когда речь шла о дорогом ему, и беспощадной, подчас даже грубой категоричностью, когда поэзией именовалось то, что было ему чуждо. Эти противоположные качества - благоговейная признательность и категоричный максимализм - весьма ощутимы во всех его последующих работах, но задолго до того, как он начал писать о стихах, он наговорил, «натрепался» с друзьями на десятки так и не написанных книг. Увы, эккерманов при нем не состоялось: мы были молоды и самоуверенны, то есть глупы. Не то, чтобы кто-нибудь из собеседников-слушателей особенно грешил невнимательностью: слушать Тошку было наслаждением - а просто казалось все это естественным, обязательным, вечным.

Но в нем самом исподволь зрела потребность систематизации, и мы придумали факультативный курс русской поэзии XX века, как бы в дополнение к основному курсу русской литературы, который я вела на обычных школьных уроках.

Как водится, кружок русской поэзии, который ведет почему-то историк, да еще на самых что ни на есть общественных началах, не мог не вызвать подозрений; тем более, что и так, без всякого кружка, учитель Якобсон всем своим обликом провоцировал начальство бдиль в ожидании какого-нибудь беспокойства. В молодости ему всегда было жарко, зимой он ходил в расстегнутом грошовом пальтишке. Жар этот как бы накапливался в нем и около него, создавая зону повышенной опасности. Всегда казалось, что вот сейчас что-то с ним или около него стряется. «*Молодой человек, почему вы здесь стоите?*» - не раз при мне обращались к нему встревоженные служители городского транспорта, когда он застывал в проходе в неудобной позе, как бы изготавившись к какому-то старту, а на самом деле - вдруг погрузившись в себя. Состояние такое он сам издевательски называл «*созерцательностью идиота*», пытаясь уверить меня, что никакой внутренней работы в это время в нем не происходит. Я всегда боялась, что он попадет под машину, потому что так же он застывал при переходе какой-нибудь самой оживленной улицы. Разумеется, все эти повадки, как бы сигнализирующие, что вот-вот случится нечто недозволенное, весьма беспокоили разнообразное начальство, в том числе и школьное. А тут еще - не бреется, не заполняет журнал, ведет урок так, что слышно во всем коридоре, да и водку пьет, говорят! К тому же никогда не посещает политзанятий. Однажды, накануне какой-то готовящейся разгромной акции, я уговорила его посидеть тихонечко на каком-то докладе про нашу родную экономику, который делал некий партприкрепленный родитель-полковник. Дала ему книжку - это был "Биллиард в половине десятого" Белля - и велела сидеть смирно и читать. Он послушался, сидел, читал, как вдруг полковник изрек: «*При коммунизме будет столько-то миллионов я й ц*», «*Нет, это я не могу!*» - громко сказал Толя и, запинаясь за парты, выскочил из класса. В стадо загнать его не было никакой возможности, так что, естественно, он провоцировал разнообразных пастырей наставлять себя на путь истинный. Идет, например, педсовет; унылая, кислая завуч занудно долдонит про какие-то скворечники, про невыполненные планы, и вдруг Тошка орет с последней парты: «*Все вы олухи и грешники! Планы есть, но где скворечники?!*»

Конечно, все хохочут, а потом начинается «проработка». Его то и дело обсуждали на каких-то комиссиях, педсоветах и т.д. Но обсуждали не зло, а, так сказать, отечески: мол, пожурим, мальчика, он и исправится. Один коллегаматематик все говорил: «*Не поймите меня отвратно!*» Это он так извинялся, что приходится резать правду-матку; не уважает, мол, завуча, не причисывается, орет, какой-то дебош, говорят, устроил...

Но так выходило, что все его любили: и умные, и глупые. При всем своем неистовстве, он не умел создавать себе врагов.

И с кружком - поприставали, поприставали, и в конце концов отстали: пусть, мол, тешится, если времени девать некуда.

А ребята - те быстро научались любить его, хотя он и в классе не лез ни в какие ворота: бегал, очень громко кричал, смешно крутил веревочку⁷⁾ (веревочку изготовлял специально: добывал в магазинах, где что-нибудь упаковывали-распаковывали, а потом туго обматывал нитками). Да и небрит был часто, и нечесан. Побрить-причесать его никогда никому не удавалось. Но, посмеявшись неделю-другую над этим шумным чудаком, ребята привыкали и к беготне по классу, и к веревочке, в конце концов вслушивались, всматривались и - попадали в поле его притяжения, как попадали туда все, кто имел с ним дело.

Естественно, что стали ходить на литературный кружок «Анатольича». Школа была обычная, заурядная, не то, что Вторая математическая, где он работал впоследствии⁸⁾ и где отборные московские подростки-интеллектуалы считали преступлением пропустить его урок, а тем более лекцию о поэзии.⁹⁾ Нет, здесь было проще. Ходили не все, не всегда, а иногда даже убегали, как с «мероприятия». Но систематический курс истории русской поэзии XX века он, тем не менее, прочитал и даже начерно записал.

Каждое занятие кружка становилось для Толи событием, праздничным и мучительным одновременно. Мучительным, потому что степень его профессиональной добросовестности трудно себе представить тому, кто не наблюдал процесса его труда. Светлый умница и, как казалось, моцартианец, а в иной ипостаси бражник и безобразник, Тошка готовился к двухчасовому занятию с малообразованными подростками так, как пристало готовиться к какому-нибудь ответственнейшему научному докладу. Часами, кстати, готовился и к обычным урокам истории. Однажды, то ли в аспирантуре, то ли даже еще студенткой, попросила его написать за меня контрольную по философии. Неохота и некогда было возиться. Со стыдом вспоминаю, что он две недели школьных каникул просидел в библиотеке. А я-то заказывала безответственную болтовню, которую он мог бы настроить за час.

Вопреки распространенному о нем представлению, вопреки манере поведения - живой, импровизационной, эксцентричной - Толя был беспощадно требователен к своему «профессиональному аппарату». Периоды интеллектуального спада, когда не думалось и не писалось, он и в молодости воспринимал как катастрофу. Последней такой катастрофы он не вынес.

* * *

К сожалению, я забыла, какую из своих книг подарил ему Корней Иванович Чуковский.¹⁰⁾ Но дословно помню дарственную надпись на книге: «*С восхищением и завистью*». Корней Иванович читал Толины работы, однако восхищение и зависть вызваны были не только глубиной и темпераментом стиховедческого

⁷⁾ ... Не зря веревочка вилась
В его руках, не зря плелась!
Ведь знала, что придет ей час
В петлю завиться. ...

Из стихотворения Давида Самойлова "Прощание", см. прим.⁶⁾

⁸⁾ А.Якобсон преподавал во Второй школе с конца 1965-го до весны 1968-го, см. прим.¹⁵⁾

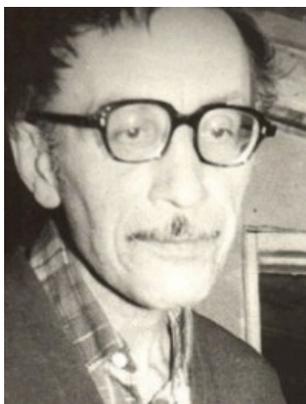
⁹⁾ См. Сборник воспоминаний и материалов о Второй школе: Записки о Второй школе (Групповой портрет во вторшкoльном интерьере), Выпуск I. Составители Георгий Ефремов и Александр Крауз. Москва, "Грантъ", 2003. с.5: «Мы ясно сознавали, что наша школа была уникальна... Многие без лишней скромности декларировали, что в истории второй половины XX века Вторая школа занимала место, в известной мере сопоставимое лишь с Царскосельским Лицеом века XIX...», с.139: «...в школе безусловно существовал своеобразный «культ Якобсона», с.167: «Якобсон был самым необычным и самым талантливым из учителей»

¹⁰⁾ Речь идет о книге: К.И. Чуковский. "Высокое искусство". Москва, Искусство, 1964

анализа. Видимо, Чуковский позавидовал тому, как отважно и естественно автор пренебрегает *эзопом*, как неотвратимо он договаривает до конца, до исчерпанности все то, что необходимо договорить.

И так было всегда: не только в статьях, но и на уроках, и в лекциях, и в частных беседах. Никакие предлагаемые обстоятельства, никакие соображения разумной осторожности не могли притормозить этой мощной тяги к исчерпанности. Даже в начале 60-х, в лихое, крикливое время, он отнюдь не фрондировал; он просто не мог иначе.¹¹⁾

"О романтической идеологии"¹²⁾ - это лекция, прочитанная во 2-ой математической школе в 1967 году на занятиях так называемого кружка русской поэзии XX века; так называемого, потому что на еженедельные занятия собирались все старшекласники; ничего себе кружок: в актовом зале и приткнуться, бывало, негде. Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак, Цветаева уже были отчитаны, Ахматова и Мандельштам предстояли. (На лекции о "Двенадцати" Блока помню, кажется, девятилетнего Санечку, который, сидя на стуле, болтал ножками, не доставая до пола. «Ну, как тебе, детка, папина лекция?» - обратился к нему кто-то из взрослых тетей; «Я не во всем согласен с папой», - ответил крошка, - «Блок о многом говорил иронически, а папа обо всем одинаково серьезно». Цитирую, естественно, по памяти, но за смысл более чем ручаюсь.) Так вот, пришел черед и общему обзору романтической поэзии 20-х годов. Перед лекцией Толя заметно нервничал. Когда я этому удивилась, он ответил: «Боюсь, вдруг что-нибудь сорвется; мне обязательно надо проговорить то, что я задумал; это сейчас для меня важнее всего». Не зная содержания предстоящего занятия и, наоборот, зная Тошкино пристрастие к гиперболе, я, по обычной небрежности, не придала этому значения. Подумаешь, проблема: ликбез для школьников...

Анатолий Гелескул¹³⁾

Вместе с этой лекцией прекратилась и Толина работа в школе. «Ну, все», - обреченно сказал Герман Фейн,¹⁴⁾ тогдашний завуч. Толя подал заявление об

¹¹⁾ С.Ганелина, ученица Jakobsona во Второй школе, вспоминает: «Иногда во время общих лекций в актовом зале он стучал спичечным коробком по столу, что означало: «выключите магнитофон!» Потом стук повторялся и магнитофон можно было включить снова. Таков был уговор с теми, кто хотел записать его лекции. «Выключались» наиболее крамольные места. А то, что на эти лекции можно было приводить кого угодно - под нашу ответственность - воспринималось нормой. «Как он не боится!» - поразились мои родители, когда я передавала дома его уроки», см. Записки о Второй школе. Москва, "Грантъ", 2003. с.167

¹²⁾ Впервые напечатано в книге: Анатолий Jakobson. "Конец трагедии". Нью-Йорк, Изд-во им.Чехова, 1973. См. также: Анатолий Jakobson. О романтической идеологии. Журнал "Новый мир", 1989, №4. Предисловие Анатолия Гелескула (см. прим.¹³⁾), и сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.159

¹³⁾ Анатолий Михайлович Гелескул (1934), - испанист, поэт-переводчик, эссеист, один из ближайших друзей Jakobsona. Из писавших о Jakobsone, - именно Анатолий Гелескул произнес о нем наиболее проникновенные слова, - см. Русская поэзия была его пристанищем на земле. "Русская мысль" от 12 августа 1988 года; Предисловие к публикации: Анатолий Jakobson. О романтической идеологии. Журнал "Новый мир", 1989, №4; На полях книги. Предисловие к сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.5

¹⁴⁾ Герман Наумович Фейн, - исследователь творчества Л. Толстого, публиковался на Западе под именем Герман Андреев. См. Герман Фейн, Памяти Толи Jakobsona. Журнал "Континент", 1979, №20, с.358

уходе; такое было у них с Германом джентльменское соглашение - барахтаться до этого самого «Ну, все».¹⁵⁾

Справа: Анатолий Якобсон, Владимир Овчинников и Герман Фейн, - преподаватель, директор и завуч Второй школы; 1968

"Царственное слово" написано было стремительно, чуть ли не в одну ночь. Это наиболее гармоничная из Толиных работ. А книжка о Блоке - "Конец трагедии"¹⁶⁾ - шла неровно, порой

мучительно, порой слишком стремительно и взхлеб.¹⁷⁾ Ей предшествовала уже упомянутая лекция, вариант которой, по счастью, сохранился у меня в магнитофонной записи, а затем статья - "О поэзии гармонической и трагической".¹⁸⁾ (Статья представляет самостоятельный интерес в числе прочих причин также и потому, что речь в ней идет не только о Блоке, а обо всех великих поэтах первой трети века, в том числе и о Мандельштаме, к которому Толя подбирался. Удивительно чисто и внятно сказаны там самые сложные вещи.)

Подаренный мне экземпляр книги "Конец трагедии" надписан щедро: «Редактору - от автора». Увы, это преувеличение. Редактура моя сводилась к тому, что я тщетно ругалась по поводу полемической части книги. Она казалась мне шумной, мальчишеской; я все бубнила о необходимости спокойного достоинства.¹⁹⁾ Тошка иногда покорно заменял какое-нибудь второстепенное слово, но за общий тон держался крепко. Послушайся он меня не дай Бог - и пропал бы его

¹⁵⁾ Из Второй школы Якобсон был вынужден уйти, главным образом, из-за открытого выступления в январе 1968 года в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга, см. сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.216

¹⁶⁾ Анатолий Якобсон. Конец трагедии. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1973. В книгу вошли статьи "Царственное слово" и "О романтической идеологии". См. переиздание в России: Анатолий Якобсон. Конец трагедии. Вильнюс-Москва (ВИМО), Изд-во "Весть", 1992

¹⁷⁾ Из письма Юне Вертман от 29/X-69, по окончании книги "Конец трагедии": «...После того длительного, возбужденно-деятельного состояния, в котором я, несмотря на все телесные болячки, работал свою писанину, - после этого состояния я рассыпался на куски. То есть физически я вполне здоров, но в сентябре наступил паралич мысли, воли, полный упадок всех духовных сил. Не знаю, как это назвать: ипохондрия, спячка, депрессия - как угодно; словом, полное оцепенение, доходящее до идиотизма, до неспособности не только что написать, но выговорить законченную фразу, и мучительное сознание этого идиотизма, этого позора. У меня подобное уже бывало, но с такой силой и так долго, кажется, никогда (да, книги читать не могу - такого и впрямь не бывало!). Я, видимо, человек циклический, и сейчас - вот эдакий цикл. Это пройдет, ведь правда же? Видишь, я ничего не сваливаю на внешние обстоятельства, хотя обстоятельства эти, прямо сказать, не мед». «Обстоятельства», которые «не мед», - это аресты и вызовы на допрос правозащитников и друзей, обыски в домах знакомых

¹⁸⁾ Напечатано в сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.26

¹⁹⁾ Из редакторских замечаний Юны Вертман: «...Самиздат против подцензурной литературы, правила игры?! ... есть "суета под клиентом", упоение количеством мыслей, недержания разного рода, нет аскетизма, жестокости по отношению к себе, благородства самоотречения; ... стиль полемики большевистский, хамский; ... кусок о Кербеле очень плох. Кербеля нужно уконтрапупливать его же текстом, а не своим «ядом». Нельзя так унижаться, этот дешевый яд совсем не в стиле работы. А конец главки, ... «труп Блока» и т.д. это очень хорошо, потому что не яд, а боль. Совсем иное стилистически»

неповторимо горячий, беспокойный облик, так похоже запечатленный именно в этой полемической части.²⁰⁾

Ему очень хотелось показать книгу Бахтину и вообще - поговорить с Бахтиным.²¹⁾ Я взялась съездить к Михаилу Михайловичу, который вместе с женой, такой же, как и он, практически безногой, жил тогда в богадельне на станции Гривно; смелость моя объяснялась тем, что до этого я уже была у Бахтина в Саранске: все-таки отчасти знакомая.²²⁾ Отвезла книгу, а через неделю-две мы поехали вместе - за ответом. (Помню странный майский²³⁾ день: то жарко было, то снег шел.)

Михаила Михайловича книга восхитила.²⁴⁾ Он воспринял ее как произведение цельное и органичное. Ему нравилось все, в том числе и полемика. Он все отлично запомнил и многое цитировал. Увы, я не могу воспроизвести сказанных им конкретностей, для меня гораздо важнее было, что «дяденька Толеньку похвалил». Но зато отлично помню последующий разговор.

М. М. Бахтин
Худ. Ю.Селиверстов

Тошка вез два вопросика и изловчился их задать. Вопрос номер 1: «Пили ли Вы когда-нибудь?» «Да», - удивленно ответил Михаил Михайлович. - «Иногда с друзьями бокал хорошего вина». Толя поскучнел, но все-таки задал второй вопрос: «Верите ли Вы в Бога?» «Разумеется», - еще более удивленно ответил Михаил Михайлович. «А я - нет», - выпалил Тошка. «А Вы этого знать не можете», - возразил Бахтин. - «Царствие Божие - не от мира сего. Кроме того, я читал Вашу книгу и на основании этого полагаю, что Вы на свой счет заблуждаетесь». «Все мое существо возмущается против христианской формулы "раб божий"», - не унимался Толя. - «Почему это раб? С какой стати раб?» «Это исторически конкретное определение», - ответил Михаил Михайлович. - «Ведь поначалу христианство - религия римских рабов. Раб Божий - это значит свободный человек. Не Нестора, не Пимена какого-нибудь раб, а самого Господа Бога».

²⁰⁾ Из письма Л.К. Чуковской от 15/VI-92, адресованного Майе Улановской: «...разрешите поздравить Вас с выходом Толиной книги "Конец трагедии" [переиздание в России]. Я ее перечитываю. Какая сила, какой ум, и, главное, какое редкостное понимание стихов. Такого почти не бывает (абсолютный слух в музыке - редкость, а в поэзии - еще реже. Толя был наделен им) ...»

²¹⁾ Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975), - филолог, литературовед, исследователь творчества Франсуа Рабле и Ф.М. Достоевского, выдающийся мыслитель XX века. Из дневника Якобсона (август-сентябрь 1974): «М. Бахтин - не литератор, не критик, не литературовед, даже не историк и не философ литературы (хотя всего этого предостаточно у него); он - великий мыслитель»

²²⁾ Юна Вертман ездила к М.М. Бахтину в Саранск в июле 1969 года вместе с Николаем Емельяновым, - старшим братом В. Емельянова

²³⁾ Вероятно, ошибка памяти: либо это не был «...майский день», либо не «...через неделю-две», см. прим.²⁴⁾

²⁴⁾ Известие о прочтении М.М. Бахтиным "Конца трагедии" и о его оценке книги - Толя Якобсон получил в день суда над Владимиром Буковским, в Люблино, возле здания суда, - 5 января 1972 года. По свидетельству Владимира Гершовича, непосредственного очевидца события, - одного из ближайших и наиболее преданных Толе друзей как по Москве, так и позже по Иерусалиму, - Якобсон был в высшей степени взволнован полученным сообщением и произнес примерно следующее: «Володька Буковский получит сегодня на полную катушку 7 плюс 5, а у меня - самый счастливый день в жизни: мне удалось кое-что сделать за прожитые мной 37 лет...» Вероятнее всего, именно Юна по телефону известила Толю о реакции Бахтина

Толя буквально онемел. Он был ошеломлен как простотой объяснения, так и своим, как он говорил, идиотизмом. Все повторял: «До сих пор не догадаться! Всего лишь переставить ударение! Не раб божий, а раб Божий!» Уехал тихий, молчал всю обратную дорогу.

Работу "Вакханалия" в контексте позднего Пастернака²⁵⁾ он написал в Иерусалиме, но предшествовало ей многое. Тошка не раз говорил, что его мечта - сделаться гениальным читателем; хорошо было бы, шутил он, если бы существовала такая профессия. Он опробовал эту профессию на стихах Пастернака. Все здесь было ему открыто, все ослепительно ясно; он говорил о целительных свойствах самого воздуха пастернаковской поэзии задолго до того, как прочитал об этом у Мандельштама. В начале 60-х годов он постоянно, по поводу и без всякого повода читал "Стихи из романа" и "Когда разгуляется", а затем и все остальное, читал наизусть часами, не уставая, а, наоборот, успокаиваясь. Прекрасно читал: просто, внятно, светло.

* * *

В 1965 году он сделал коротенькую статью, опубликованную затем в "Мастерстве перевода" – "Еще раз о 66-м сонете".²⁶⁾

Отчетливо помню, как в моей квартире ночью (мне казалось, что ночью; почему-то я рано уснула) раздался телефонный звонок и голосом, так хорошо знакомым по многократно прослушанной записи "Больницы" и "Ночи", было произнесено: «Здравствуйте, говорит Пастернак». Я решила, что рехнулась. А это был Евгений Борисович,²⁷⁾ так похожий на Бориса Леонидовича лицом и голосом Женя, которому кто-то из знакомых дал мой телефон, сказав, что через меня можно попытаться найти Якобсона. Женя, естественно, не мог не заметить статьи в "Мастерстве перевода" и захотел познакомиться с автором. Тогда уже набирали силу структуралисты, и Толина статья выделялась на их невероятно научном фоне ясностью смысла и человечностью.

Е. Б. Пастернак

На Дорогомиловку, где жил тогда Евгений Борисович с семьей, Толя прихватил и меня и очень хорошо сделал, но это уже совсем другая тема.

Затем была подготовлена, прочитана и, к счастью, записана учениками на магнитофонную ленту более чем четырехчасовая лекция,²⁸⁾ не претендовавшая на концептуальную оригинальность; он строил ее, широко и естественно ссылаясь на Цветаеву, Мандельштама, Синявского. Но тем не менее это совершенно

²⁵⁾ Анатолий Якобсон. "Вакханалия" в контексте позднего Пастернака. SLAVICA HYEROSOLYMITANA, The Magnes Press. The Hebrew University, Jerusalem, 1978, vol.3, p. 302-379. См. также сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.101

²⁶⁾ Анатолий Якобсон. Два решения (Еще раз о 66 сонете). Мастерство перевода, 1966. Москва, "Советский писатель", 1968. См. также сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.206

²⁷⁾ Евгений Борисович Пастернак, - исследователь творчества и биографии Б.Пастернака; сын Бориса Леонидовича и Евгении Владимировны Лурье (1898-1965), первой жены Б.Пастернака

²⁸⁾ В Израиле (в 75 или 76 году) А. Якобсон, - наедине с магнитофоном, - заново записал лекцию о Пастернаке на магнитную ленту, посвятив запись Лидии Корнеевны Чуковской (см. прим.²⁾). По сути, тематически это были две лекции: "Ранний Пастернак" и "Поздний Пастернак". Между «московской» и «иерусалимской» записями имеются расхождения. Московская магнитопись сохранилась. Иерусалимский вариант опубликован в сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.59

самобытное и прекрасное произведение, потому что, адресуясь к школьникам, Толя был заведомо, особо четок и внятен. Лекция эта - школа плавания в глубоких и трудных для опасливых новичков волнах пастернаковской поэзии; при этом Толя не играл в поддавки; уважая интеллект и восприимчивость слушателей-неофитов, он открывал им глаза и уши, учил - и, главное, научал - видеть, слышать, думать и додумывать, и поскольку у доверявших ему слушателей и читателей это в конце концов получалось, они избавлялись, быть может, навсегда, от читательского комплекса неполноценности. Трудно проверить, для всех ли его учеников чтение стихов Пастернака сделалось органической потребностью, но о многих я это знаю доподлинно.

* * *

Обстоятельная общедоступная лекция для школьников - это один полюс Толиных размышлений и штудий на неисчерпаемую тему «Пастернак»; другой полюс - его работа, которую он должен был защищать как докторскую диссертацию.²⁹⁾ В Иерусалиме была написана (видимо, не вполне завершена) статья о "Рослом стрелке", но она опубликована позже,³⁰⁾ спустя почти два года после Толиной гибели.

Мы активно переписывались все то время, что он работал над "Вакханалией...". В начале апреля 1975 года он писал: «С декабря до последних буквально дней балансировал я на грани дурдома, но грани этой, слава богу, не перешел. Напротив, несколько дней, как мне получше. Болезнь такова, что прошедшая (жуткая) фаза вернется неизбежно, вопрос - когда. Два бы только - три мне месяца относительного здоровья. Роздыха. Не сплошной, не непрерывно-кромешной боли. И я сделал бы задуманную работу о Пастернаке (замысел, кажется, не тривиальный и не мелкокалиберный)». И дальше он просит: «...помоги-ка мне. Мне нужно в "Вакханалии"... уточнить все, что касается реалий, связанных со спектаклем...

И еще:

Как игралось подростку
На народе простом
В белом платье в полоску
И с косою жгутом.

Что это? Что за подросток такой? Абсолютно непонятная строфа, а ведь она отсылает к кому-то, чему-то определенному в истории театра. Не пособишь ли?»³¹⁾ Просил уточнить по мере сил все связанное с театром, все "текстовые или внетекстовые моменты".

²⁹⁾ В действительности, докторской диссертацией А. Якобсона была работа "Соотнесенность реально-исторического и карнавалльно-мистерийного начал в русской поэме XX века" (Блок, Пастернак). Иерусалим, 1978, 222 с. Машинопись хранится в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме. Как идея самой диссертации, так и инициатива ее срочного написания принадлежали Шломо Пинесу (1908–1990), - выдающемуся израильскому философу, профессору средневековой еврейской и арабской философии Иерусалимского университета. Защитой диссертации Шломо Пинес рассчитывал укрепить статус Толи Якобсона в Иерусалимском университете, - становившегося непрочным в связи с его болезнью, и обеспечить продление Толиного контракта с университетом. Одним из рецензентов диссертации стал Роман Якобсон, - известный филолог, славист. В письме Л.К. Чуковской от 15/VI-78 Толя пишет: «Кстати, об университете. Докторская защищена, наконец!»

³⁰⁾ Анатолий Якобсон. О стихотворении Бориса Пастернака "Рослый стрелок, осторожный охотник". Журнал "Континент", 1980, №25, с.323. См. также сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.94

³¹⁾ Из письма Юне Вертман от 8/IV-75

С помощью Жени я старалась помогать; прояснили о подростке, затем я стала посылать насущнейшее - переписанные фрагменты черновиков Б.Л. Пастернака под видом моих стихотворных упражнений. Он, обрадованный и развеселившийся, прислал мне лаконичную телеграмму: «Браво!», а затем, в июле 75 года, продолжал шутить в письме: «О твоих виршах. В целом нехудо для начинающего автора. Несколько строчек (это премного!) мне о-очень понадобились... Одно выражение твое заимствую без зазрения совести: автор прекрасно знал, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе». Это совершенно моя мысль, но выраженная с несравненным изяществом». И дальше - уже очень серьезное, о сути замысла: «...за реальным и реалистическим (в традиционном смысле слова) планом поэмы скрывается мистерия. Глубоко скрывается глубокая мистерия. А в заглавии поэмы она спрятана открыто. И театр здесь (как и церковь и, пардон, блудуар) играет особую роль - сюжетно-тематическую <...> словом, нас интересует происхождение театра (см. заглавие), а на то, как Аллочка Т.³²⁾ изображала Машеньку С. в премьерe 56 года - хорошо или плохо - мне наплевать. (Последнее - ответ на мою прохладную оценку спектакля. - Ю.В.) А увидеть эту мистерию можно, только прочтя поэму в широком контексте - в полном контексте позднего Вертмана³³⁾ (он же начинающий). А для этого надо разобраться, что есть сей контекст... Пишу так медленно и трудно, как ходит на протезах человек - сразу по ампутации ног. Однако качество работы - это пройденное расстояние, на чем его ни пройти: на ногах или на протезах».³⁴⁾

Мне кажется, что эту самую значительную по глубине догадки Толину работу несколько холоднит неорганичная для него чересчур научная упаковка. Так, что ли, нужно было для диссертации?³⁵⁾ Впрочем, я плохой судья: может быть, он в чем-то изменился, может, я чего-то не поняла; скорее всего, он просто ближе мне прежний, доотъездный.

* * *

Толина страстность, так памятная всем, такая теплая, такая бесконечная, до самоистребления, до готовности и способности распластаться, особенно наглядно

³²⁾ Алла Константиновна Тарасова (1898-1973), - актриса, народная артистка СССР, исполнительница заглавной роли в спектакле "Мария Стюарт" по Шиллеру в переводе Б. Пастернака

³³⁾ Шутливый э з о п, - читай: "Поздний Пастернак"

³⁴⁾ Из письма Юне Вертман от 10/VII-75

³⁵⁾ Юна ошибочно полагала, что работа "Вакханалия..." является диссертацией А. Якобсона, см. прим.²⁹⁾. Создается впечатление, что в Москве не было известно о существовании диссертационной работы Якобсона, отдельной от "Вакханалии...". Во всяком случае, это верно по отношению к двум ближайшим московским друзьям Толи: Анатолию Гелескулу (выяснилось 15.08.2003 в личном разговоре публикатора "Страничек..." с А. Гелескулом), передавшим "Вакханалию..." Л.К. Чуковской, - и самой Лидии Корнеевне: см. "Мы живем в эпоху результатов..." Давид Самойлов, Лидия Чуковская. Переписка. Журнал "Знамя" 2003, №6. Письмо 51: «Бедняга автор вынужден был работать не на своей площадке и все же победителен, ибо чувствует П[астерна]ка "кончиками пальцев", как с точностью определил тезка [Анатолий Гелескул]. Читаю — и мучаюсь тем, что уже никогда не отвечу ему на то, на сё. Слышу под текстом многие наши разговоры. Плохо написаны первые три страницы, а дальше мысли разгораются, слышны живые интонации, иногда слышен даже его голос»; Письмо 53: «...перехожу <...> к Т[олиной] диссертации. Я писала, что работа его — талантлива. Изучив ее досконально, остаюсь при том же мнении — да, талантлива, а иногда и пронзительна и точна, то есть талант его — талант восприятия — являет себя в полном блеске. Но когда Вы пишете: «Вот его настоящее дело» — я не согласна. Он писатель, а не "ученый", и диссертация вовсе не его дело. Конечно, талантливый скрипач может талантливо исполнить мелодию и на трубе, но Т[оля] все-таки сыграл мелодию не на своем инструменте — он не доктор наук! он писатель! — и жаль, что ему пришлось "защищать докторскую"»

проявлялась во взаимоотношениях с сыном. Он переносил на Саньку свою собственную внутреннюю бесприютность и незащищенность; любовь и жалость к сыну, малышу, несчастному Эмбриону (имя собственное; он всегда так называл Саньку) затопляла его. То обстоятельство, что Санька и в детстве был человеком цельным и, видимо, внутренне защищенным, роли не играло.

Особенно усилились безумства, когда выяснилось, что у Саньки (как, впрочем, и у большинства людей) есть хроническое заболевание. Безграничная отцовская страсть была неоднородной по жанру, в сфере бытовой трагедия то и дело оборачивалась водевилем. Толя готовил сыну какую-то особую еду, подавал, прибирал, дико нервничал, когда уже взрослый мальчик на 15 минут против обычного задерживался в школе, норовил перевести его через дорогу, не пускал в магазин, то есть вел себя, как оголтелая еврейская бабушка. Так было в сфере бытовой. В сфере интеллектуально-духовной Санька во всех возрастах являл собой достойного партнера, и наблюдать за отцом и сыном было очень интересно, хотя иногда и смешно. Они вечно спорили, притом чрезвычайно громко, независимо от места и времени.

А. Якобсон с сыном, 1973³⁶⁾

М.Тихомиров с женой и матерью

Году примерно в 1971-м я поставила детский спектакль в Калининском ТЮЗ-е; поскольку за 10 лет до того я там же делала свой диплом, и Толя приезжал, он захотел приехать на премьеру и на этот раз, тем более что теперь художником спектакля был его школьный друг Миша Тихомиров. (Миши уже тоже нет в живых; в 39 лет умер он от инфаркта.) И вот приехали Толя и Саня, стали смотреть спектакль, и вдруг Сане захотелось сказать, что актриса Икс «хорошо играет свою роль» (или плохо, я уже не помню). Толя что-то ответил, они заспорили - с обычной страстностью, в полный голос, с «обзываниями» - при полнехоньком зале, набитом детьми...

В августе 1970 года мы жили вместе в Тарусе. Я снимала комнату неподалеку от дома, где у друзей гостили Толя с сыном. Как-то раз друзья эти - Саша, Марьяна³⁷⁾ и их сын Максим, - пригласили Саньку прокатиться по Оке на лодке под парусом. Толя долго взволнованно убеждал всех: «Он не хочет! Он же не хочет!» Но Санька отчаянно запросился - пришлось отпустить. Вверх по течению шли, кажется, на моторе, а вниз - под парусом. А мы с Толей и собакой Томом прогуливались рядом по дивной пешеходной тропе к Велигожу и обратно, по противоположному по отношению к Тарусе берегу Оки. Возвращались вечером, в сумерках; парус различить было уже трудно. Разговаривали. И вдруг с другого берега до нас донесся Санькин голос; Санька звал: «Папа! Папа!» «Я здесь, сынок!» - дико закричал Толя и бросился сверху к воде, и заметался вдоль берега: плавал он очень плохо, да и вообще переплыть трудно, да и Том залаял и лаял не переставая, так что невозможно было услышать, что дальше кричал Саня. На счастье, неподалеку кто-то рыбачил, Толя с собакой влезли в лодку, обо мне он забыл напрочь. И смех, и грех. Темно уже, одиноко. Никуда бы я, конечно, не делась, понимала, что за мной приплывут и переправят, но все-таки...

³⁶⁾ Фотография для выездной визы в Израиль

³⁷⁾ Марьяна Александровна Осипова и Александр Михайлович Фихман - писатель Александр Марьянин (1930-1991), - знакомые А.Якобсона

А Санька хотел сообщить нам, что лодку ставят на стояночку и дальше идут пешком, потому что темно; чтобы мы больше не старались разглядеть парус. Толе же померещилось, что тонущий сын зовет его на помощь.

Эмбрион был хотя и умным, но, с точки зрения папы, всеми обижаемым, и защищать его надо было словом и делом, то есть в случае необходимости даже кулаками. Незадолго до отъезда в Израиль, когда уже, по властному настоянию того же слабенького тринадцатилетнего Эмбриона³⁸⁾, были сданы документы (точная дата - конец июня 1973 года), Толя, желая развлечь ребенка, пошел с ним на выпускное представление в цирковое училище,³⁹⁾ где я тогда работала. Посадить всех вместе мне не удалось, растыкали приглашенных по разным местам, а Саню мои студенты посадили около форганга - как раз напротив того места, где сидел Толя. Началось представление, и оказалось, что Саня сидит неудачно, мешая выходам артистов. Стали его спокойно пересаживать. Увидев это, Толя с воплем «Они прогоняют моего ребенка!» - ринулся на манеж с тяжелой сумкой в руках; а в сумке было много бутылок пива, потому что собирался он в Красновидово к Виталику Рекубрятскому.⁴⁰⁾ Выход Яковсона на манеж по нелепости и комизму не уступал выходу коверных. Его удалось оттащить.

Виталий Рекубрятский

Лена Каган

А здоровенный, добрый, веселый Виталий, отец пятерых сыновей покончил с собой 19 сентября 1977 года.

Вспоминала я смешное, очень смешное, про цирк и бутылки с пивом, а вот куда неотвратимо вынесло. Виталий повесился в чужом подъезде на собачьем поводке. Толю, естественно, это потрясло, он писал, что так делать нельзя, что он так не сделает. Прошел год - по всей видимости, счастливый для него год жизни с прелестной, любимой молодой женой Леночкой.⁴¹⁾ Он съездил на Кипр,⁴²⁾ начал вновь писать стихи, веселые и благодарные. Но занимался в последнее время Маяковским и Цветаевой, самоубийцами.

³⁸⁾ Известный правозащитник Сергей Адамович Ковалев вспоминает: «...Тошка обожал сына, тряся над ним и с ужасом думал о его будущем. И когда Санька внезапно увлекся сионистскими идеями и начал бредить Израилем, судьба семейства была решена. Яковсон мог противостать КГБ, угрозе ареста, чему угодно - но не сыну».

Трудно не процитировать другое место из воспоминаний Ковалева: «Мне никогда в жизни не приходилось наблюдать извержение вулкана, но если когда-нибудь придется, то, подозреваю, не увижу ничего нового - я уже видел Тошку Яковсона. Это был какой-то непрерывный процесс взрывного саморасточения - таланта, обаяния, блестящего (хотя не всегда пригодного для салонов) остроумия, любви к друзьям, женщинам, стихам...» См. Сергей Ковалев, Воспоминания. (<http://index.org.ru/memoirs/kovalev.html>)

³⁹⁾ Государственное Училище Циркового и Эстрадного Искусства в Москве

⁴⁰⁾ Виталий Александрович Рекубрятский (1937-1977), - биолог, ихтиолог; был женат на двоюродной сестре А.Д.Сахарова, близкий друг А.Яковсона

⁴¹⁾ Елена Каган (ныне Elena Sadovskiy) вышла замуж за А. Яковсона в 1977 году в возрасте 18 лет. С первой женой, Майей Улановской, - Яковсон разошелся в 1974 году. Лена - дочь физика Виктора Кагана, упоминаемого А.Солженициным в "Архипелаге ГУЛаг". См. рассказ о научно-техническом обществе 75-ой камеры Бутырской тюрьмы 1946 года: "Архипелаг ГУЛаг", Советский писатель, "Новый мир", 1993. Часть II, Гл. 4, с.567. См. также: Н.В. Тимофеев-Ресовский, Воспоминания. "Согласие", Москва, 2000, с.355, 359, 436.

⁴²⁾ В письме Л.К. Чуковской от 15/VI-78 Толя объясняет необходимость поездки на Кипр: «Смысл формального брака - ряд житейских удобств... Здесь, как в России до революции или в современной Италии, нет гражданского (светского) брака, а только церковный. Она - русская, я - еврей. Браки, зарегистрированные за границей, разумеется, признаются. Кипр - ближайший кусок Европы»

Через год после гибели Виталия, тоже в сентябре, Толи не стало.⁴³⁾ Собачий поводок был не случаен: его подсказал Виталий.

* * *

Бывали периоды, когда Толя крепко пил; это тревожное для близких и друзей обстоятельство часто становилось темой, очень его занимавшей. Не то чтобы он стеснялся потребности в алкоголе, но не мог же считать это пристрастие благородным и потому сам над собой публично потешался, иногда достаточно беспощадно. Алкоголь помогал ему на время избавиться от постоянной тревоги, непокоя, а главное - здесь действовал такой механизм, что, выпив, он переставал стыдиться крайней обостренности чувств; иногда он светлел, веселел, освобождался, иногда, наоборот, грустнел, но так или иначе, - его мучительная по своей интенсивности искренность как бы обретала право и защиту. В одиночку он не пил, ему нужен был друг - собеседник.

В июле 1962 года в Ленинграде как-то вечером мы выпили понемножку, а потом меня позвали к телефону. Вернувшись, я застала его неподвижно сидящим перед фотографией с портрета Пушкина; в глазах его стояли слезы - состояние для него достаточно необычное. На мой встревоженный вопрос, что случилось, он тихо ответил: «Пушкина убили...»

Но и дурачился на алкогольную тему немало. Пил он водку, очень любил красное сухое грузинское вино, особенно "Мукузани"; сладких вин не выносил.

В июне 73-го он пришел к нам в ночь после моего дня рождения.⁴⁴⁾ Прошел с Васей⁴⁵⁾ на кухню, поинтересовался, дадут ли выпить. Понюхав остатки глинтвейна в кофейнике, решительно заявил: «Ну, я этого пить не стану». Потом был какой-то незначительный разговор, который я сквозь дрему едва различала; Толя, по обыкновению, метался по кухне. Проходя мимо плиты, как бы между прочим, но очень удивленно поинтересовался: «Неужели я буду пить эту гадость?» Прошло еще какое-то время, и вдруг я слышу: «Ну, ладно, старик, давай наливай скорей, только Юнке не говори». То есть я не должна была знать о его падении: о том, что пьет он не благородную водку, а какое-то сладкое пойло. Это было последнее его дурачество, в котором мне довелось участвовать. Больше я его веселым не видела.

В. Емельянов и Ю. Вертман, 1975

* * *

⁴³⁾ Из письма Юны Вертман Майе Улановской от 10/XI-78, в ответ на подробный рассказ Майи о последних днях и гибели Толи Яковсона (письмо М. Улановской от 10/X-78 см. в сб. ПОЧВА И СУДЬБА, с.287): «Расскажи Лене [Каган], а ты и так знаешь, что вряд ли был на свете человек, которого все так любили. След он оставлял вечный, даже на самое короткое время возникнув в чьей-то жизни; пол и характер отношений здесь роли почти не играет. Когда он уехал, об осиротелости говорили самые разные по возрасту и характеру люди, вплоть до сравнительно далеких знакомых. Он был подарком судьбы - для всех, всегда. Мне это ясно стало уже достаточно давно. Непредставимым было другое: что его, оказывается, не мог согреть никто. Ужас этот зрел исподволь и дорос до того, что уже ни молодая жена, ни сын... Женя Пастернак верно сказал, что он всегда доходил до края, но здесь его спасали реальные беды, реальные трудности. А в последнее время их вроде бы не стало...»

⁴⁴⁾ 6 июня

⁴⁵⁾ Василий Евгеньевич Емельянов, - муж Юны Вертман, публикатор "Страничек..." и составитель примечаний

Он в наивысшей степени обладал даром дружества: влюблялся в друзей, привязывался к ним, хотел и умел служить.⁴⁶⁾ Это мало вязалось с его взъерошенным, якобы суматошным обликом; казалось, он не фиксирует частностей внешнего мира. Но потом обнаруживалось, что именно Тошка принес в какой-нибудь бестолковый, прокуренный дом котлеты, сам изжарил их и всех накормил. В его немислимых вытертых засаленных папках, сумках, авоськах, кроме школьных тетрадей, рукописей, книг и т.д. почти всегда было что-нибудь специальное, какое-нибудь мясо для чьего-нибудь ребенка, какие-нибудь диетические то ли яйца, то ли уже яичница, не говоря уже об особой пище для больного Эмбриона и для вегетерианки-жены. А мы, неблагодарные, и погруженные в свои проблемы, порой даже потешались над этим, да и он вместе с нами.

Когда сдавали мой спектакль "Записки сумасшедшего",⁴⁷⁾ кабинетная говорильня продолжалась часа два. После всего я вышла в коридор Ермоловского театра - естественно, пошатываясь от комплексной усталости, - и из темноты навстречу метнулся Тошка; он, вечно замотанный и занятый, - на дворе был уже 1968-й год, - ждал все это время в темном, пустом театре, чтобы отвести меня обедать. Он и меня всегда норовил накормить, ласково и настойчиво уговаривал поесть чего-нибудь; моя отнюдь не дистрофическая фактура и нормальный аппетит несколько не умеряли его рвения. Потом, в Иерусалиме, когда пришла главная беда - болезнь, постоянная тревога, что близкие не накормлены, оставалась, по словам Майи, единственной земной заботой.

Майя Улановская

Однажды он подарил мне только что вышедшую отдельным изданием книгу Хемингуэя "Праздник, который всегда с тобой" и надписал ее так: *«Полагаю, Юна Давыдовна, что название этой книги созвучно факту нашего пятилетнего знакомства. 30 августа 1965 г. А. Якобсон».*

По моей неизбывной вине праздник наш редко бывал безоблачным, но эмоционально-духовный контакт между нами, действительно, отличался редкой интенсивностью и постоянством. Толя сказал об этом гораздо точнее, чем могу сказать я.

В январе 1964 года он написал такие стихи:

⁴⁶⁾ Из письма Юне Вертман от 6/VII-74 из Иерусалима: *«...Подобно иудеям, мне что арабы, что американцы, что немцы (называю тех, кого встречал здесь) – все едино: разновидности инопланетных. Исключение – несколько московских приятелей. Но им ли хоть на йоту восполнить потерю всех друзей, О Т Б О Р О М которых исключительно и была моя жизнь. И – утрата не только людской – моей – среды, но и среды в самом широком – биологическом – смысле слова...»*

⁴⁷⁾ В феврале 1968 года

Юне Вертман посвящается

1.

Тяжелее всех пош,
Ме давая нибья,
Как прологемный пош,
В нас торшит наше Я.

Не закинули дверей,
Не пришли сургош,
А из кончи своей —
Никогда, нипогём!

Не зовите гостей,
Не френдите клятом,
Каждый в склене косье?
Навсегда заклогём.

2.

Потому об рожденья
В себе быбья
Ищем ли осущденя
Загогёмному Я —

И в просторных домах,
И в теснотных сумках,
И в бесеметном труде,
И в семейном гнезде,
И в быхе, и в грехе,
И в любви гелухе.

Так - дробя и деля,
 Так - деля и дробя -
 Как балласт корабля -
 Из себя - для себя!

3.

О, дробление это
 Вызывает восорг!
 О, как пышно вопить он -
 Мелкий, розничный торг!

Если мы бескорыстны
 (Об души! Об души!)
 Это значит - поистине
 Хороши, хороши!

И при этом неважно
 (Не выдашь пусына!),
 Обо щущна только скважина
 Для сквозняка:

Раздавая облаки
 Мы всегда в барнице -
 (Как бы в собственной кедже
 Не прокиснуть душе!)

4.
 Но внезапно излощина,
 Как пусыне рлова,
 Как поцелуй ложкине,
 Влась ессесва.

И закон непреломный -
 Что расёрбит плевок:
 Вдруг невозможный
 Свершил фывок.

Вал как себ-без раздельности,
 Скорлупу скруща,
 В первосозданной цельности -
 Прогь из ~~котти~~ ^{Тела} Душа!

5.

Не просари мотья,
 Не для них изменя,
 А в меня - из тебя,
 А в тебя - из меня.

6/1-64. Олу

Юне Вертман посвящается

1.

Тяжелее всех нош,
Не давая житья,
Как проглоченный нож,
В нас торчит наше Я.

Не замкнули дверей,
Не прижгли сургучем,
А из кожи своей -
Никогда, нипочем!

Не зовите гостей,
Не бренчите ключем, -
Каждый в склепе костей
Навсегда заключен.

2.

Потому от рожденья
В суете бытия
Ищем мы отчужденье
Заточенному Я -

И в просторных домах,
И в тлетворных дымах,
И бессменном труде,
И семейном гнезде,
И в стихе, и в грехе,
И в любой чепухе.

Так - дробя и деля,
Так - деля и дробя, -
Как балласт с корабля, -
Из себя - для себя!

3.

О, дробление это
Вызывает восторг!
О, как пышно воспет он -
Мелкий, розничный торг!

Если мы бескорыстны,
(От души! От души!)
Это значит - поистине
Хороши, хороши!

И при этом неважно
(Не видать пустяка!),
Что нужна только скважина
Для сквозняка:

Раздавая облатки
Мы всегда в барыше -
(Как бы в собственной кадке
Не прокиснуть душе!)

4.

Но внезапно низложена,
Как пустые слова,
Как понятия ложные,
Власть естества.

И закон непреложный -
Что растертый плевок:
Вдруг невозможный
Свершился рывок.

Вся как есть - без отдельности,
Скорлупу сокруша,
В первосозданной цельности -
Прочь из тела душа.

5.

Не просторы любя,
Не для них изменя,
А в меня - из тебя,
А в тебя - из меня.

6/I-64 г. А. Якобсон

* * *

По самооценке «афеист», он всегда верил в мистическую основу нашей дружбы, говорил об этом, писал в письмах. Считал, что время и место над этим не властны. Не раз повторял: «Если бы ты уехала хоть в Австралию, я бы не переставал ощущать так же». Напророчил...

Однажды он сказал: «*Давай одновременно читать "Снега Килиманджаро"*» И мы читали - каждый у себя дома, в одно и то же время, и так общались.⁴⁸⁾

Бывали случаи, которые при желании можно, конечно, рассматривать и как простое совпадение. Например, такой. Мы с Ирой⁴⁹⁾ делали в Кишиневе,⁵⁰⁾ в "Лучафэруле", сказку "Белоснежка и семь гномов"; сказка хорошая, а пьеса плохая, да и у меня никак не клеилось, не находилась ключ, потому что в сказке не прояснено, почему гномы враждуют с людьми. И вдруг малознакомая женщина приносит мне книгу, которую Толя передал с оказией - просто так, привет с надписью «*Юночке от дяди Толи*». Это была книга Олеши "Ни дня без строчки"; не

Юлий Даниэль и Ирина Уварова

то чтобы она ему очень нравилась, а просто - передать что-то хотелось. И я открыла ее сразу на той странице, где Олеша вспоминает рассказ Гейне о гномах, которых называли краснолюдками. Как они пришли смотреть на деревенский праздник и сели все рядом на веточке. А какой-то тупой мужик стукнул топором по ветке, и гномы попадали на землю. Мгновенно я все это увидела, и у меня сразу стало получаться - и смыслово, и пластически.

* * *

И еще одно внезапно высветлилось: якобы рассеянный, он делал прекрасные подарки: осмысленные, теплые, индивидуальные.

Ю. Вертман

Август 1980 - август 1981, Энгуре (Латвия)

Анатолий Якобсон, Саша Якобсон и Лена Каган

⁴⁸⁾ Из письма Юне Вертман от 24/I-65: «...Когда читаю хорошие стихи, всегда общаюсь с тобой - как бы тебе читаю, это уже стало привычкой непреложной»

⁴⁹⁾ Ирина Павловна Уварова, - театральная художник, искусствовед и театровед; близкая подруга Юны Вертман, вторая жена Юлиа Даниэля

⁵⁰⁾ В конце 1965 года

Приложение

Из письма Л.К. Чуковской Майе Улановской, 15/VI-92, Москва:

Прочла воспоминания Юны Вертман. Не для позолоты пилюли – да и пилюли то нет! – говорю: отличные, превосходные воспоминания, богатые сменой тональностей, и скорбные и блестящие юмором, не однолинейные, а многослойные, написанные легкой и талантливой рукой. Образ – живой, без хрестоматийного глянца – и обаятельный.

Л.К. Чуковская

«Прочла воспоминания Юны Вертман. Не для позолоты пилюли – да и пилюли то нет! – говорю: отличные, превосходные воспоминания, богатые сменой тональностей, и скорбные и блестящие юмором, не однолинейные, а многослойные, написанные легкой и талантливой рукой. Образ живой, без хрестоматийного глянца – и обаятельный...»

Л.К.
к Любовью
3/II 72.
А фотопортрет 53г.

От составителя

Сохранился черновой план "Страничек...", позволяющий думать, что работа над текстом не была завершена полностью: «Первое знакомство. Секрет его воздействия на людей. Сгорание в контактах. Любимое занятие: «Трепаться с друзьями» (с этого начать?). В школе. Начальство, ученики, смешное. Как начинались его лекции. Вечера поэзии в школе. Взаимоотношения со стихами вообще ("И береговой ее гранит"). Как готовился к урокам, как шпаргалки мне писал. Как с Санькой смотрели в Калинин спектакль. Как Ахматовой стихи испортил. Оценки Бахтина, Чуковского. Таруса, лодка, ребенок и т.д. Как на забор лазал. Коктебель. "Мольер", ел пепел. "Записки сумасшедшего", как из коридора кинулся. Подарок мне. Санька, последний выход в цирковое училище. Самойлов, Гелескул. «Пушкина убили...». Хотел быть гениальным читателем. Приход в ночь с 6-го на 7-ое, как пил. Личное: Как думали синхронно. "Праздник, который...". Килиманджаро. Фет - Тютчев. Олеша, гномы. Пастернак, Цветаева, Ахматова. Знакомство с Пастернаками.»

Юна Вертман, Галина А. Белая, Майя Улановская
Лев А. Шубин, Анатолий Якобсон, Татьяна Г. Леви
Коктебель, 1963

В. Емельянов и В. Гершович на могиле А. Якобсона
Иерусалим, Масличная гора, 1995